

DOI: 10.15643/libartrus-2022.2.2

Подтекст и интертекст в эссе П. Вайля «Писатель для читателей»

© Е. А. Власова^{1*}, О. В. Богданова²

¹Российская национальная библиотека
Россия, 191069 г. Санкт-Петербург, улица Садовая, 18.

²Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Россия, 191186 г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

*Email: kealis@gmail.com

В статье предлагается анализ эссеистики одного из популярных представителей «третьей волны» русской эмиграции Петра Вайля, создавшего ряд литературных эссе, посвященных творчеству и личности А. Терца, И. Бродского, С. Довлатова и др. В работе показано, что интертекстуальные связи эссе Вайля формируют подтекстовые пласты его публицистики и генерируют парадоксальные ракурсы восприятия текста. В статье прослежено, как Вайль-критик осуществляет долей субъективности демонстрирует двойственность оценок, аксиологическую нестабильность изображаемого. Критик играет с читателем, вуалируя истинную оценку героя-писателя, посредством интертекста погружая в подтекст антиномичную аксиологию. Проводимый в статье анализ показывает, что автор-эссеист на внешнем уровне оставался объективным наблюдателем, но на глубинном уровне текста умело скрывал свое истинное суждение о герое-художнике.

Ключевые слова: П. Вайль, эссе, подтекстовые стратегии, аксиология, тенденция.

Введение

В современном российском литературоведении интерес к публицистическому творчеству того или иного писателя, как правило, локален и узок, он проявляется эпизодически и не вбирает в себя емких обобщений. Между тем творчество Петра Вайля (1949–2009), известного представителя «третьей волны» русской эмиграции, в последние десятилетия проживавшего в США и Западной Европе и много публиковавшегося там, привлекает к себе внимание критиков и литературоведов, особенно возросшее после смерти публициста. Главную часть художественного наследия Петра Вайля составляют интересные и своеобразные эссе о литературе и литераторах.

К настоящему моменту об эссеистике Петра Вайля уже написаны ряд научно-критических работ, сложился пласт магистерских и диссертационных рецептов, осмысляющих роль литературного критика в создании цикла статей о русских писателях-эмигрантах «третьей волны» [1, 2, 9]. Внимание исследователей привлекают различные аспекты литературной деятельности Вайля и прежде всего авторские жанры, особенности жанровых вариаций и модификаций, которые продуцировал Вайль, обращаясь в своей эссеистике к той или иной персоналии [1, 2]. Так, Н. Байбатырова анализирует тематику и жанровые особенности публицистики Вайля и справедливо выделяет «авторское начало» как ведущий признак эссеистического повествования [1, с. 27–31]. Исследователь подчеркивает, что Вайль «выступает не

только как организатор текста, формальный автор информации, но и как непосредственное действующее лицо» [1, с. 27]. При этом одной из ведущих черт эссеистики Вайля Байбатырова называет «излишнюю, порой шокирующую прямоту» [1, с. 28].

Действительно, именно эти черты – авторское присутствие и субъективная личностность, – на наш взгляд, и становятся приметамы особенного стиля Вайля, то есть заслуживают того, чтобы очертить целевую установку данного исследования – внимательнее присмотреться к характеру языковых реалий, к которым обращается эссеист.

Материалом для выявления особенностей публицистического дискурса Петра Вайля послужили литературные эссе, героем которых стал русский писатель-эмигрант Сергей Довлатов – «Великий город, окраина империи» (1994), «Писатель для читателя» (2003), «Из жизни новых американцев» (2006) и др. Исследование опирается на приемы комплексного филологического анализа и вбирает в себя стратегии структурного и поэтологического подходов в интерпретации текста. Особое внимание уделяется стилевым особенностям письма Вайля, тонкой работе эссеиста с русским словом и его полисемией.

Смысловая дихотомия эссе о Сергее Довлатове

Среди героев публицистики Петра Вайля имя Сергея Довлатова самое частотное, а сам он – наиболее любимый персонаж эссеистики Вайля. Вайль писал о Довлатове: «...был он рядом в течение двенадцати лет, с самого приезда и первого знакомства... Он был рядом все эти годы...» [5, с. 278]. Вероятно, поэтому публицистика Вайля о Довлатове носит весьма личностный и отчетливо субъективный характер. И, как ни парадоксально, обретает характер далеко не всегда дружеский.

Утверждение подобного рода может показаться странным, ведь сам Вайль называл Довлатова другом: «...не могу сказать, что мы были с Иосифом [Бродским] друзьями. <...> Вот с Довлатовым мы дружили...» [6, с. 79]. Между тем публицистика Вайля о Довлатове пронизана ощутимым подтекстом, вбирает в себя больше субъективных интенций (недосказанностей и двусмысленностей), чем статья о любом другом литераторе.

При внимательном чтении можно заметить, что языковая стихия «довлатовских» статей Вайля отчетливо эксплицирует *особый* характер воссоздания «феномена Довлатова» [8, с. 134], обнаруживает тенденцию дихотомичных сужений критика о друге-прозаике.

В этом плане интертекстуальные пласты «довлатовской» публицистики Вайля позволяют отчетливее квалифицировать истинный смысл высказанных критиком сентенций, его намеренно субъективных и двусоставных (или двусмысленных) суждений.

Аксиологические ракурсы эссе «Писатель для читателя»

Статья Петра Вайля «Писатель для читателя» была написана в 2003 г. как предисловие к книге Сергея Довлатова «Ремесло» [12]. Название статьи «Писатель для читателя» словно бы задает ракурс «*демократической*» направленности прозы Довлатова, ориентированной прежде всего на реципиента-читателя. И в традициях демотически ориентированной русской литературы Вайль, кажется, предлагает высоко положительную оценку. Однако любая похвала, которую высказывает критик, оборачивается своей противоположностью и легко прочитывается как хула (или разоблачение).

Уже первые строки статьи Вайля включают в себя слова-маркеры, которые вызывают сомнение в *прямой* аксиологичности критико-эссеистического текста, но наводят на мысль о сознательно вводимом в наррацию *непрямом* подтексте: «Высота преданной читательской

любви к Сергею Довлатову достигнута удивительно быстро, если вспомнить краткость его присутствия на общедоступной литературной поверхности... Миновали разные стадии признания. Вслед за первоначальным настороженным, потом острым интересом прошумел довлатовский бум – этот характерный русский любовный захлеб. Прошла влюбленность – заключен брак, когда уже не разобрать, где любовь, а где привычка...» [8, с. 134].

Каждая фраза Вайля двусоставна и, как следствие, двусмысленна:

«...достигнута удивительно *быстро*...» Разве? Достаточно вспомнить о начале творческого пути Довлатова и эмиграции. Далекое не быстро.

«...*краткость* его присутствия на общедоступной литературной поверхности...» Речь идет о жизни писателя или о его творчестве?

«...*характерный русский любовный захлеб*...» Каждое слово этой фразы – вместе и в отдельности – таит в себе иронию.

Антитетичные пары «*влюбленность – брак*», «*любовь – привычка*» в итоговую (то есть сильную) позицию ставят «брак» и «привычку», понятия, маркированные на самом примитивном уровне бытового осознания.

Потому следующее за тем определение – «Признанный народный любимец» [8, с. 134] – прочитывается в явно иронической тональности, с ощутимой долей насмешки и высокомерия. Интертекстема «народный любимец» (особенно на фоне имен Толстого и Достоевского) воспринимается в шутовском ракурсе, граничащем с развенчанием.

По словам Вайля, если «в нашей литературе масштабы „великого писателя“ определены Толстым, Достоевским – иной размах, иные бездны», то у Довлатова «другое счастливое место: он – писатель для читателей» [8, с. 134]. Антитетичная логика рассуждения, основанная на определениях-маркерах *иной, другой*, эксплицирует утверждение: Довлатов – *не* «великий писатель».

Затекстово рядом с Толстым и Достоевским оказывается и имя Гоголя. Интертекстуальные строки из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» переименованы Вайлем и отнесены к Довлатову: «...редкий критик *долетит до середины* полноценного разбора – пугливо поворачивает к привычной апологетике...» [8, с. 135]. В гоголевской интертекстема вновь актуализируется антитеза: «полноценный разбор» противопоставлен «апологетике», акцентируя отчетливое указание на то, что «*полноценному* разбору» проза Довлатова никогда не подвергалась.

В подобном контексте риторика вопросов: «Почему? Откуда такая любовь?» [8, с. 134] – звучит как вопрос Вайля к самому себе: почему? И в качестве ответа подтекстово актуализируется слово «потрафило» (= повезло [8, с. 135]).

В свою очередь в создаваемом предисловии-статье Вайль словно бы намеревается предпринять (наконец) «полноценный разбор» литературного наследия Довлатова и, согласно интертекстуальной гоголевской метафоре, рассчитывает «долететь» далее, чем до середины.

Одной из первых характеристик прозаического стиля Довлатова критик избирает «меру»: «Его [Довлатова] проза... *в меру* проста, чтобы не испытывать затруднений, и *в меру* изысканна, чтобы переживать удовольствие от понимания. *Мерный* повествовательный голос, доверительный тон, живой диалог, *внятный* язык...» [8, с. 135].

С одной стороны, Вайль как будто бы точно указывает на стилистические особенности рассказов Довлатова (в меру проста и в меру изысканна), однако с другой – настойчиво акцентирует «меру» таланта писателя, каждую из использованных лексем-понятий ставя в такой контекст, когда многозначное слово «мера» обнаруживает смысловую – снижающую – полисемию. Доминирует не столько номинатив *мера*, сколько оценочное обстоятельство *в меру*.

«И – лаконичность: *краткость* фразы, *скупость* приемов, *малость* формы. Эту *малость* Довлатов в зрелые годы переживал как *ущербность*, идя даже на *ухищрения*: составлял повести из рассказов, иногда *шивая* их между собой *белыми нитками* курсива» [8, с. 135].

Уже только перечислительный ряд однородных членов – квалификационных имен существительных – создает представление об *ущербности* прозы писателя: *краткость*, *скупость*, *малость*. А фразеологический оборот «*шито белыми нитками*», с традиционно зафиксированной в нем сниженной семантикой [15, с. 45], не оставляет сомнения в характере эксплуатируемых Вайлем лексических единиц и тенденциозном намерении не удариться в «апологетику».

Кажется, сближающая Довлатова с Чеховым сентенция: «Малая форма верно служит общеупотребительности» [8, с. 135] – на самом деле применительно к современному прозаику эксплицирует оттенок уничижительности, ибо «*общеупотребительность*» для творчества, как известно, малопродуктивна и бесперспективна.

Знаменательно и маркированное понятие «комплекс/комплексовать». По словам Вайля, у Довлатова «отчетливый» «*комплекс* отсутствия большой формы» [8, с. 135]. И эта оценка дополняет субъективно-аксиологические интенции (= тенденции) критика-друга. Заметим, вскоре лексема «комплекс» будет приложима и к читателю: «такой читательский *комплекс*» [8, с. 136]. Лексическая оценочная омонимия захватывает обе сферы: и зону писателя, и зону читателя.

Аксиологически «говорящим» оказывается и использованное Вайлем *образное сравнение* прозы Довлатова с «растворимым кофе»: «Его проза действительна и растворима без осадка, как баночный кофе» [8, с. 136].

Внешне эссеист использует как будто бы позитивное сопоставление. Но на глубинном уровне оно, несомненно, оказывается снижающим (прежде всего для самого эстета-филолога и знатока-гурмана, каковым обнаружил себя один из авторов «Русской кухни в изгнании» [11]). Использование эпитета «*баночный*» кофе (вместо растворимый) сродни популярному разговорно-обывательскому русскому обороту «кофе из *ведра*». Характерологические интенции используемой Вайлем номинации нескрываемы и неприкрыты.

Вайль словно бы намеренно/случайно – и явно оценочно – сравнивает прозу Довлатова с маскультом («Он доступен, как маскульт» [8, с. 136]). После эксплуатации дефиниции «маскульт» критик тут же (словно бы) уточняет маркированное понятие и уверенно включает в ряды маскульту знаковые имена: «...каким были театр Шекспира, музыка Моцарта, романы Дюма, рассказы О. Генри...» [8, с. 136]. Отнесение Шекспира и Моцарта к «маскульту», скорее, экстравагантность, чем суждение, заслуживающее внимания, но, по словам критика, «все дело в уровне» [8, с. 136]. Появление лексемы *уровень* вновь ставит под сомнение «уровень» (или «меру») Довлатова, переоценить которого после ряда «говорящих» характеристик Вайля весьма затруднительно.

Тип героя «довлатовского» эссе

Предпринятый Вайлем «полноценный разбор» «феномена Довлатова» осуществляется критиком последовательно и по-своему профессионально, едва ли не согласно логике литературоведения. Так, в зоне внимания исследователя с категориальной необходимостью оказывается рефлексия по поводу *типа героя* довлатовской прозы.

Вайль умело и грамотно воссоздает литературный контекст типологии довлатовских персонажей и погружает их в систему «маленьких людей» русской классической литературы.

В интертекстуальном контексте «маленьких героев» Гоголя и Чехова (например, Акакия Акакиевича Башмачкина из «Шинели» или Ивана Червякова из «Смерти чиновника») оказываются и персонажи рассказов современного писателя. Заметим, типология, репрезентированная Вайлем, не радикальна – эта проблема всерьез обсуждалась в ряде научных работ, в том числе в известной монографии И. Н. Сухих «Сергей Довлатов: время, место, судьба» [14]. Однако Вайль идет дальше. В отличие от авторитетного литературоведа-довлатоведа критик «невидимые миру слезы» [8, с. 136] «маленького человека» классической литературы трансформирует во «внезапные, стилистически и психологически неожиданные, всхлипы его [Довлатова] персонажей: мол, кто я, зачем я, куда иду?» [8, с. 136]. «Вечные» и «проклятые» вопросы русской классики «адаптированы» Вайлем к современности и дефинированы как «всхлипы», стилистически и психологически немотивированные, не оставляющие сомнения в направленности критической аксиологии автора «полноценного разбора».

На фоне выше приведенных двузначных оценок творчества современного прозаика упоминание Вайлем любимой книги Довлатова звучит в стилистике насмешки: «Довлатов хотел, чтобы и его читали с таким же комком в горле, который он ощущал, когда доходил до своего любимого места в самой своей любимой русской книге, „Капитанской дочке“, – до слов Пугачева: „Кто смеет обижать сироту?“» [8, с. 136–137]. Формальное построение суждения показательно: «...хотел, чтобы и его читали с таким же комком в горле, который...» Ранее не прошедший сравнения с Толстым и Достоевским, теперь Довлатов не выдерживает сопоставления с Пушкиным.

Образ автора в эссе Вайля

Компенсируя недостаточность «полноценного разбора» текстов Довлатова, Вайль-критик литературоведчески последовательно (вслед за образом героя) обращается к репрезентации образа автора, к стилевой манере нарратора, к творческой индивидуальности писателя-рассказчика.

По мысли исследователя, «довлатовский язык неуязвим для времени и моды...» [8, с. 137]. Представляется, что в оценке критика звучит позитивное начало. Между тем симптоматично, в чем критик находит тому объяснение. На взгляд Вайля, язык довлатовской прозы «незатейлив без поисков особой индивидуальности» [8, с. 137], «Довлатов выиграл, не поддавшись искушениям создать собственный стиль...» [8, с. 137]. То есть отсутствие «особой индивидуальности» и «собственного стиля» возводится Вайлем в разряд квалификационных принципов, определяющих «немудреную» [8, с. 137] популярность рассказов писателя. Высказанное суждение, по понятным причинам, по крайней мере спорно, чему свидетельством могут служить научные диссертации (кандидатские и докторские, литературоведческие и лингвистические), рассматривающие вопросы своеобразия стиля писателя, успешно атрибутирующие его особенности – довлатовские – черты [3, 4, 10, 13]. В этом плане достаточно вспомнить всего одну черту довлатовского стиля – особенную манеру художника писать все слова во фразе-предложении без повторения начальных букв (специалисты не раз подчеркивали особый мелодичный строй довлатовского предложения).

Обращает на себя внимание констатация Вайлем внутренних, личностных мотивов «отказа» Довлатова от «собственного стиля» и «особой индивидуальности» – по Вайлю, это «нутряное, животное чувство языка» [8, с. 137]. Примечательными вновь оказываются «говорящие» эпитеты, использованные Вайлем, – «нутряное, животное...» На первый взгляд кажется,

что критик намерен связать это утверждение со стремлением Довлатова писать на простом и понятном «русском литературном языке» [8, с. 137]. Однако коннотативное значение избранных Вайлем определений вновь заставляет усомниться в точности метафоры, переключает внимание на двойственность эмоционального контента выразительных характерологических эпитетов («животное чувство...»).

Факт и его эссеистическое осмысление

Наконец, в актуализации «феномена Довлатова» важное место в эссе-статье Вайля занимает биография писателя, точнее – актуальная для литературоведения проблема связи биографии прозаика с его творчеством. Вайль последователен в выборе аспектов литературоведческого анализа предпринимаемого им «полноценного разбора» – его внимание к биографической составляющей творчества писателя воспринимается обоснованно закономерным.

Прежде всего Вайль констатирует факт: «...интерес к личности автора [Довлатова] остается...» [8, с. 138]. Однако тут же уточняет: «...в этом отношении биография Довлатова *безнадежно бесплодна*...» [8, с. 138]. Вайль мастерски выходит из парадоксальной ситуации противоречащих друг другу контр-фактов и находит объяснение своему противосуждению: бесплодна «не потому что жизнь его малоинтересна и уж не потому что герметична. Как раз наоборот: он сам уже все рассказал до мельчайших подробностей...» [8, с. 138]. Вайль умело балансирует на грани допустимого, смещается от «плюса» к «минусу», посредством сугубой *субъективности* демонстрируя видимость *объективной* репрезентации личности и творчества писателя.

В итоге «самое удивительное в феномене Довлатова» [8, с. 138], в представлении Вайля, заключается в следующем: «Дело не в самом Довлатове, не в его прозе, не в характере его дарования, не в авторском образе. Дело в русской читательской традиции, которая освоила и присвоила Довлатова, домыслив за него то, чего этой традиции не хватило в довлатовских буквах и словах. А домыслив, преданно и искренне полюбила: как свое» [8, с. 138].

Заключительный вывод друга-критика парадоксален: «Дело не в *самом Довлатове*...», дело «не в *его прозе*...», «не в характере *его дарования*», даже «не в *авторском образе*» (Вайль последовательно указал на те составляющие, которые инспектировал в статье). Главное, по Вайлю, – «русская читательская традиция». *Мастером* у Вайля в итоге оказывается не Довлатов, а читатель (точнее: читательский «комплекс», о котором критик рассуждал выше), экспроприировавший писателя, занявший его место и обеспечивший популярность прозаику-художнику. Настойчивое повторение отрицания «*не*» в финале статьи психологически репрезентативно – многократность эксплуатации отрицательных частиц «*не*» выдает истинную оценку Вайлем таланта (*меры и уровня таланта*) прозаика Довлатова, его «(полно-)ценности» и значения как художника.

Складывается назойливое (признаем, не-научное) впечатление, что Вайль мстит Довлатову за некие прежние обиды («обидно быть комическим персонажем» [7, с. 279]), в том числе за те, о которых он упоминает в статье «Из жизни новых американцев» (2006), когда Довлатов «выставлял» соратника по радио «Свобода» «законченным дебилом» [7, с. 130]), за былую давнюю «вражду» [7, с. 278], упомянутую в статье «Великий город, окраина империи» (1994), которая (как свидетельствуют текст и подтекст) не была изжита «друзьями» (друзьями-врагами?), во всяком случае одним из них. «Ревнивое отношение» [7, с. 129] Вайля к герою «разбора» очевидно.

В итоге можно сделать вывод: отдельные – единичные – двусмысленные оценки творчества и личности Довлатова, обнаруженные в статье Вайля, могли бы показаться случайностью, неточностями, могли бы оказаться в тексте «по недосмотру» автора. Однако стройная система двусмысленностей, которые последовательно реализованы квалифицированным критиком посредством «богатого и могучего» русского языка на основе полисемии, омонимии, лексической вариативности языковых проявлений, заставляют предположить, что Вайль сознательно играл в тексте со словом, порождая дуалистичность восприятия его оценок, эксплицируя намеренную дихотомию его субъективной критической аксиологии. Суммарность и сгущенность языковых стратегий, которые актуализировал Вайль, демонстрируют сознательность двузначной (подтекстово неоднозначной) оценки, которая была осознанно (на наш взгляд) сформирована его текстом.

Некогда Вайль писал о манере жизненного поведения Довлатова: «Не надо переоценивать: во всем ощущался оттенок иронической игры. Но не надо и недооценивать: игра воспринималась серьезно...» [7, с. 125]. В данном случае игровой ход, эксплуатируемый критиком в статье «Писатель для читателя», может быть удостоен той же реакции: «не надо... недооценивать...» Интертекстуальный пласт вайлевских языковых игр позволяет судить, насколько игра с «феноменом Довлатова» может быть «воспринята серьезно...»

Выводы

Таким образом, интертекстуальные пласты статьи-эссе Вайля «Писатель для читателя» обнаруживают парадоксальные аксиологические ракурсы критической наррации, осуществленной критиком-другом ради «полноценного разбора» творчества Сергея Довлатова. Игра с лексическими, синтаксическими, стилевыми возможностями русского слова позволяет автору статьи мастерски «разоблачить» талант современного прозаика, внешне (на речевом уровне) оставаясь безупречно объективным, кажется, весьма точно воспроизводящим особенности манеры писателя. Другое дело, что «уровень полемики» [7, с. 126] такого рода смущает и заставляет усомниться в «дружеской» объективности критика. Подтекст вайлевской статьи выводит исследование уже не к литературоведческим практикам, но к этико-психологическим.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01671, <https://rscf.ru/project/22-28-01671/>; Русская христианская гуманитарная академия.

Литература

1. Байбатырова Н. М. Авторские жанры публицистики П. Вайля и А. Гениса // *Вестник Новосибирского ГУ. Сер. История, филология*. 2012. Т. 11. №11. С. 27–31.
2. Байбатырова Н. М. Жанр эссе в публицистике русского зарубежья второй половины XX века // *Проблемы науки*. 2012. №12(12). С. 272–273.
3. Бирюкова О. А. Семантико-прагматические функции и стилистические возможности частиц в художественном тексте: на материале прозы С. Довлатова: автореф. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 20 с.
4. Букирева Т. А. Аспекты языковой игры: аномальность и парадоксальность языковой личности С. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 18 с.
5. Вайль П. В поисках Бродского // *Свобода – точка отсчета. О жизни, искусстве и о себе*. М.: Астрель, 2012. С. 73–83.
6. Вайль П. Великий город, окраина империи // *Свобода – точка отсчета. О жизни, искусстве и о себе*. М.: Астрель, 2012. С. 271–285.
7. Вайль П. Из жизни новых американцев // *Свобода – точка отсчета. О жизни, искусстве и о себе*. М.: Астрель, 2012. С. 124–133.

8. Вайль П. Писатель для читателя // *Свобода – точка отсчета. О жизни, искусстве и о себе*. М.: Астрель, **2012**. С. 134–139.
9. Власова Е. А. *Интертекстуальные пласты эссеистики Петра Вайля*. СПб.: Алетейя, **2022**. 56 с.
10. Власова Ю. Е. Жанровое своеобразие прозы С. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., **2001**. 24 с.
11. Генис А., Вайль П. *Русская кухня в изгнании*. М.: Пик, **1990**. 176 с.
12. Довлатов С. *Ремесло*. СПб.: Азбука-классика, **2003**. 157 с.
13. Матвеева И. В. Культурный и образный мир языка писателя: на материале произведений Сергея Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, **2004**. 26 с.
14. Сухих И. Н. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. СПб.: Культ-информ-пресс, **1996**. 379 с.
15. *Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т.* / Под ред. А. Н. Тихонова. М.: Флинта, **2004**. Т. 1. 832 с.

Поступила в редакцию 16.02.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.2.2

Subtext and intertext in P. Vail's essay "A writer for readers"

© E. A. Vlasova^{1*}, O. V. Bogdanova²

¹*Russian National Library
18 Sadovaya Street, 191069 Saint Petersburg, Russia.*

²*A. I. Herzen Russian State Pedagogical University
48 Moika River Embankment, 191186 Saint Petersburg, Russia.*

*Email: kealis@gmail.com

The article offers an analysis of the essayistics of one of the popular representatives of the "third wave" of Russian emigration, Pyotr Vail, who created a number of literary essays devoted to the work and personality of A. Terts, I. Brodsky, S. Dovlatov, etc. The authors of the paper show that the intertextual connections of Weil's essay form the subtext layers of his journalism and generate paradoxical perspectives of the perception of the text. The authors trace how the Weil critic carries out, it seems, an objective analysis of the writer's work, but with an invariable degree of subjectivity demonstrates the duality of assessments, the axiological instability of the depicted. The critic plays with the reader, veiling the true assessment of the hero-writer, by means of intertext immersing antinomic axiology into the subtext. The analysis carried out in the article shows that the author-essayist remained an objective observer at the external level, but at the deep level of the text skillfully concealed his true judgment about the hero-artist. Indeed, it is precisely these features – the author's presence and subjective personality – that, in our opinion, become signs of Vail's special style, that is, they deserve to outline the purpose of this study – to take a closer look at the nature of the linguistic realities to which the essayist refers. Playing with the lexical, syntactic, stylistic possibilities of the Russian word allows the author to "expose" masterfully the talent of a modern prose writer, outwardly (at the speech level) remaining flawlessly objective, it seems, reproducing very accurately the features of the writer's manner.

Keywords: P. Vail, essays, subtext strategies, axiology, tendency.

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 22-28-01671, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01671/>; Russian Christian Academy for the Humanities.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Vlasova E. A., Bogdanova O. V. Subtext and intertext in P. Vail's essay "A writer for readers" // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 2. Pp. 103–112.

References

1. Baibatyrova N. M. *Vestnik Novosibirskogo GU. Ser. Istoriya, filologiya*. 2012. Vol. 11. No. 11. Pp. 27–31.
2. Baibatyrova N. M. *Problemy nauki*. 2012. No. 12(12). Pp. 272–273.
3. Biryukova O. A. Semantiko-pragmaticheskie funktsii i stilisticheskie vozmozhnosti chastits v khudozhestvennom tekste: na materiale prozy S. Dovlatova: avtoref. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2007.
4. Bukireva T. A. Aspekty yazykovoi igry: anomal'nost' i paradoksal'nost' yazykovoi lichnosti S. Dovlatova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2000.
5. Vail P. *Svoboda – tochka ot-scheta. O zhizni, iskusstve i o sebe*. Moscow: Astrel', 2012. Pp. 73–83.
6. Vail P. *Svoboda – tochka ot-scheta. O zhizni, iskusstve i o sebe*. Moscow: Astrel', 2012. Pp. 271–285.

7. Vail' P. *Svoboda – tochka ot-scheta. O zhizni, iskusstve i o sebe*. Moscow: Astrel', **2012**. Pp. 124–133.
8. Vail' P. *Svoboda – tochka ot-scheta. O zhizni, iskusstve i o sebe*. Moscow: Astrel', **2012**. Pp. 134–139.
9. Vlasova E. A. *Intertekstual'nye plasty esseistiki Petra Vailya [Intertextual layers of Pyotr Vail's essays]*. Saint Petersburg: Aleteiya, **2022**.
10. Vlasova Yu. E. *Zhanrovoe svoeobrazie prozy S. Dovlatova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Moscow, **2001**.
11. Genis A., Vail P. *Russkaya kukhnya v izgnanii [Russian cuisine in exile]*. Moscow: Pik, **1990**.
12. Dovlatov S. *Remeslo [Craft]*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, **2003**.
13. Matveeva I. V. *Kul'turnyi i obraznyi mir yazyka pisatelya: na materiale proizvedenii Sergeya Dovlatova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Orel, **2004**.
14. Sukhikh I. N. *Sergei Dovlatov: vremya, mesto, sud'ba [Sergei Dovlatov: time, place, fate]*. Saint Petersburg: Kul't-inform-press, **1996**.
15. *Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t. [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language: in 2 vol.]*. Ed. A. N. Tikhonova. Moscow: Flinta, **2004**. Vol. 1.

Received 16.02.2022.